

Филиппова Ольга Евгеньевна

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

КРИМИНООБРАЗУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ДЕЯНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ, ОТРАСЛЕВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация: в статье анализируется проблема криминализации административных правонарушений по признаку неоднократности их совершения лицом, подвергшимся административной ответственности, с позиции общей теории государства и права, теории уголовного права и криминологии; с помощью методов формального юридического анализа, сравнительно-правового на основе системного и исторического подходов предпринимается попытка уточнить критерии оценки степени общественной опасности деяния в условиях неоднократности совершения.

Ключевые слова: административная преюдиция, повторность (неоднократность) совершения деяния, криминализация административного правонарушения, критерии степени общественной опасности деяния, юридическая техника, законотворчество.

Анализ тенденций в развитии законодательства России показывает, что за последнее десятилетие отечественный законодатель окончательно вернулся к использованию таких средств криминализации деяний, как административная преюдиция и повторность совершения деяния, хотя в 1997 году при вступлении в силу Уголовный Кодекс РФ не предусматривал подобных способов криминализации деяний. В 2009 году первой уголовно-правовой нормой с административной преюдицией стала ст. 178 УК РФ, но в 2015 году из статьи исключили признак неоднократности, примечание 4 к указанной статье также было исключено. В 2011 году преступлением была признана неоднократная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции (ст.151.1); в 2014 году – управление

транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст.264.1), неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст.212.1), неоднократное несоблюдение поднадзорным лицом административных ограничений, сопряженное с совершением им административного правонарушения (ч.2 ст.314.1); в 2015 году – незаконное проникновение на охраняемый объект, совершенное неоднократно (ст. 215.4), участие в деятельности на территории РФ иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории РФ ее деятельности лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного статьей 284.1 (ст.284.1); в 2016 году – нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние (116.1), неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст.157), мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию (ст.158.1); в 2017 году -незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (ст.171.4); в 2018 году – самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность (ст.215.3), злостное неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению лицом, подвергнутым административному наказанию за деяние, предусмотренное частью 4 статьи 17.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, совершенное в отношении того же судебного акта (ч.1 ст.315), действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть

«Интернет», лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года (ч.1 ст. 282).

Важно заметить, что законодатели используют различные формулировки в статьях уголовного закона, криминализируя деяния, среди них «подвергнутое административному наказанию лицо», «деяние, совершенное неоднократно», «лицо, привлеченное к административной ответственности», что вызывает трудности в правоприменении. Очевидно, что законодатели нуждаются в помощи со стороны ученых. Вопросы разграничения преступлений от проступков и перевода административных правонарушений в уголовно наказуемые подлежат комплексному рассмотрению как теоретиками права, так и специалистами в области уголовного и административного права, а также криминологами. Для отраслевых наук важно конструктивно разграничить административное правонарушение и преступление с административной преюдицией, выявить элементы их составов. Традиционной в отечественной теории государства и права стала проблема принципиального разграничения преступлений от проступков по признаку общественной опасности. Для криминологии важно обосновать эффективность уголовного преследования лиц, совершивших административные проступки при условии неоднократности их совершения в контексте противодействия преступности в обществе.

Преступления обладают самой высокой степенью общественной опасности, проступки обладают меньшей степенью такой опасности. «Общественная опасность выражает материальную сущность преступления, ...объективное его свойство, заключающееся в том, что им причиняется либо создается угроза причинения существенного вреда объектам уголовно-правовой охраны» [5, с. 344]. Проблема заключается в выработке более или менее четких критериев общественной опасности, которыми обязан будет руководствоваться законодатель. В современной теории права выделяют такие критерии, как значимость объекта посягательства (преступление посягает на самые существенные общественные отношения), размер причиненного ущерба, способ, место и время совершения деяния, личность правонарушителя. Уточнение названных критериев

общественной опасности ученые оставляют законотворцам. Особую сложность представляет криминализация проступков, перевод их категорию преступлений. Актуальную позицию отечественного законодателя в этом вопросе точно охарактеризовал В.П. Малков: «Законодатель нашей страны на основе изучения тенденций в определенных сферах социально-экономической жизни приходит к убеждению о целесообразности прибегнуть к противодействию совершению тех или иных деяний более острыми средствами, чем административное или дисциплинарное воздействие, в частности, уголовным наказанием... Законодатели России ...криминализируют соответствующее деяние там, где это возможно, в случае повторного совершения его, после применения (наложения) меры административного наказания, либо после наложения дисциплинарного взыскания, либо при повторном совершении соответствующего правонарушения» [3, с. 60]. Среди криминологических достоинств подобной криминализации отмечены профилактическое воздействие на лицо, впервые совершившее административное правонарушение, так как для него угроза уголовного преследования в случае повторного совершения аналогичного деяния служит средством превенции и перевоспитания, что в целом способствует «сужению сферы уголовно-правового принуждения в противодействии преступности». Справедливости ради следует указать и на аргументы противников административной преюдиции в уголовном праве. Они не видят в составе преступления с административной преюдицией сложного единичного преступления, а также форму множественности преступлений, считают его «полностью искусственно созданной конструкцией, не имеющей под собой никаких оснований» [1, с. 68]. Вред, причиненный несколькими проступками, не может считаться основанием для криминализации следующего правонарушения. Вина также является индивидуальной для каждого правонарушения. Признаки субъекта правонарушения, взятые отдельно от характеристик объекта, объективной стороны и субъективной стороны, не могут придавать общественную опасность деянию, а могут лишь повышать либо понижать ее степень. В противном случае следует преступлением

считать не само деяние, а личность, ставшую общественно опасной вследствие неоднократного совершения аналогичных проступков.

Возвращаясь к роли законодателя в криминализации проступков при условии неоднократности совершения последних, обратим внимание на скрытый от общества процесс формирования воли законодателей, в результате чего они приходят к выводу о необходимости придать криминальный характер административному правонарушению, совершенному неоднократно. В отсутствии широкой общественной дискуссии мотивы законодателя рискуют носить субъективный характер, объясняться политической целесообразностью, как ее понимают законодатели. Имеет ли право законодатель произвольно устанавливать уголовную ответственность за проступок, совершенный в третий раз или во второй раз? Правовая позиция Конституционного Суда РФ по отношению к законодателю состоит в следующем: – уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализируемого противоправного деяния; – повторное (многократное) совершение лицом однородных (аналогичных) административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям, что вкупе с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий (бездействия); – наступление уголовной ответственности за правонарушение, мотивированное одной лишь неоднократностью совершения, выходит за границы конституционно допустимого уголовно-правового ограничения прав и свобод человека и гражданина; – уголовная ответственность может наступать только в случае, когда правонарушение повлекло за собой причинение вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, иным конституционно охраняемым ценностям или содержало реальную угрозу причинения такового[4]. Приведенная правовая позиция исходит из господствующего в науке уголовного права традиционного подхода, в

соответствии с которым считается, что характер общественной опасности деяния определяется объектом посягательства, при совпадении объектов правовой охраны критерием разделения преступлений и проступков становится степень общественной опасности деяния (количественная характеристика общественной опасности). Учитывается тяжесть причиненных последствий, форма вины, особенности субъекта преступления.

Представляется, что в настоящее время административная преюдиция используется в законотворчестве преимущественно как особое средство юридической техники, позволяющее разграничить смежные составы административных правонарушений и преступлений и закрепить признаки последних в статьях Уголовного Кодекса. Об основаниях же криминализации деяния глубоко законодатели не задумываются, следовательно, такой формальный подход приводит их к тому, что общественную опасность преступлениям с административной преюдицией придает исключительно характеристика субъекта преступления, личность которого признается опасной для общества, несмотря на то, что общественная опасность деяния обусловлена кумулятивным эффектом противоправного посягательства на охраняемые общественные отношения. Хотя и в этом случае законодатель непоследователен, пример тому – диспозиция нормы, помещенной в ст. 245 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за жестокое обращение с животными. В ней нет в числе признаков запрещенного деяния административной преюдиции, уголовная ответственность наступает, когда человек действует из хулиганских или корыстных побуждений либо с целью причинить животному боль или страдания, а животное в результате этого погибло или получило увечье. Представляется, что субъект, неоднократно привлекавшийся к административной ответственности за жестокое обращение с животными, и повторяющий свои действия, становится опасен для общества, и в отношении него необходимы меры уголовно-правового воздействия. Но в данном конкретном случае законодатель так не считает, поскольку в Кодексе об административных правонарушениях РФ нет санкций за несоблюдение требований к содержанию животных (в том числе и за жестокое обращение с ними

при отсутствии признаков преступления), что делает невозможной использование административной преюдиции в ст. 245 УК РФ.

Список литературы

1. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! / Н.А. Лопашенко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – №3 (23). – С. 64–71.

2. Макеева И.С. Административная преюдиция в уголовном праве: особенности конструирования норм и их применения / И.С. Макеева, А.А. Жижилева // Право: ретроспектива и перспектива. – 2021. – №1 (5). – С. 64–70.

3. Малков В.П. Административная преюдиция: за и против / В.П. Малков // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – №3 (23). – С.58–64.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. №2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

5. Теория государства и права: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / А.П. Альбов и др.; под общ. Ред. А.П. Альбова, С.В. Николюкина. – М.: Юрайт, 2015. – 466 с.